

«ОКНО В ЕВРОПУ» В ПЕРЕВОДЕ НА ЯЗЫК ГИМНАЗИЧЕСКИХ УЧЕБНИКОВ ИСТОРИИ¹

ЛЮБОВЬ КИСЕЛЕВА

Речь в статье, как явствует из названия, пойдет об интерпретации судьбоносной для России эпохи Петра I в дореволюционных гимназических учебниках по истории и о переводе государственной идеологии на язык школьной истории.

Школа — это государственный институт, выполняющий государственный заказ, поэтому программы и учебники гуманитарных предметов во все времена проходили и проходят серьезный отбор с точки зрения соответствия государственной идеологии и политике. Государственный миф о Петре как строителе новой России начал формироваться еще при его жизни и при его активном участии [Погосян], и придется признать, что, несмотря на все видоизменения, этот миф остается актуальным вплоть до настоящего времени; тем более актуальным он был в имперскую эпоху [Осповат, Рогинский]. Одновременно складывался и противоположный миф о Петре — как о правителе, разрушившем национальное бытие, в крайнем выражении — о царе-антихристе, погубившем Святую Русь². Как справлялась школа с этой сложной коллизией? Имела ли возможность школьная история в имперскую эпоху не только следовать одному из цен-

¹ Статья написана в рамках проекта IUT34-30 Tõlkeideoloogia ja ideoloogia tõlkimine: kultuuridünaamika mehhanismid Eestis vene ja nõukogude võimu tingimustes 19.–20. sajandil / Ideology of Translation and Translation of Ideology: Mechanisms of Cultural Dynamics under the Russian Empire and Soviet Power in Estonia in the 19th – 20th Centuries.

² В антологии «Петр Великий: pro et contra» [Петр] дается достаточно представительная подборка как положительных, так и отрицательных высказываний о Петре деятелей русской науки и культуры XVIII–XX вв. См. также перепечатанную там аналитическую статью А. А. Кизеветтера «Реформа Петра Великого в сознании русского общества», где изложена полемика о Петре и его эпохе в ее динамике (в частности, спор между западниками и славянофилами).

тральных национальных мифов, но и «демифологизировать» эпоху и личность царя-преобразователя? Могла ли показывать не только достижения этой крайне противоречивой эпохи, но и провалы, не только достоинства, но и недостатки личности самого Петра и страшную жестокость его методов? Для русской школы проблема «демифологизации» особенно важна, поскольку школьный литературный канон был направлен в большей мере как раз на мифологизацию, хотя включал не только пушкинскую «Полтаву» с ее знаменитыми строками:

Была та смутная пора,
Когда Россия молодая,
В бореньях силы напрягая,
Мужала с гением Петра, —

но и «Медный всадник», начинающийся панегирическим «Вступлением» и завершающийся деканонизирующим финалом. Поэтому существенно будет проследить, как вел себя в этом плане исторический курс.

Напомним, что в программу российских гимназий история и, в частности, «отечественная», была введена по «Уставу учебных заведений» 1804 г., но самостоятельное значение русская история как предмет получила в конце 1820-х – в 1830-е гг., после создания первых соответствующих учебников³. К этому времени официальный миф о Петре получил мощную поддержку со стороны императора Николая I, стремившегося ориентировать свое личное поведение и методы руководства на «патриархальные» методы своего предка⁴. Продемонстрировать, как взаимодействовала в этих условиях школьная история с государственным культом Петра — одна из центральных задач настоящей работы. Однако петровская эпоха позволяет «тестировать» школьный курс и по другим важным параметрам, свойственным школьному подходу к историческому процессу (не только в имперскую эпоху):

³ По-видимому, первым было четырежды переизданное (1829–1834) «Начертание истории государства Российского» И. К. Кайданова [Кайданов], лицейского профессора, обучавшего Пушкина истории, автора нескольких учебных пособий как по русской, так и по всемирной истории. Пособие профессора Московского университета и известного историка М. П. Погодина «для училищ» [Погодин 1835] во втором издании [Погодин 1837] уже прямо предназначалось для гимназий. К сожалению, мы вынуждены опустить анализ этих и ряда других пособий. Пользуемся возможностью поблагодарить А. Л. Осповата за ценные указания.

⁴ Николай I был гораздо более склонен вспоминать «дубинку» основателя империи, чем его умение выслушивать оппонентов. Из адресованного ему в 1826 г. пушкинского завета в «Стансах»: «Во всем будь пращурю подобен: / Как он неутомим и тверд, / И памятью, как он, незлобен», Николай следовал лишь первой части.

- а) «милитаризация» и героизация истории, когда войны и военные победы оказываются в центре внимания;
- б) создание благополучной, непротиворечивой картины национального прошлого — «от победы к победе»;
- в) оправдание любых действий своей страны во взаимоотношениях с другими странами;
- г) «царецентричность», т. е. показ эпохи через личность монарха и его деятельность, стремление изображать монарха как великую личность и делать основной акцент на положительных качествах;
- д) трактовка социальной жизни и истории повседневности.

Будем, однако, иметь в виду, что школьная педагогика должна учитывать не только государственный заказ, но и особенности детской и юношеской психологии, для которой характерно и стремление к героическому, и черно-белое восприятие информации, и тяготение к ясным, однозначным оценкам. В этой связи баланс между «положительной» и «негативной» (критической) информацией, касающейся истории родной страны, требует особого внимания.

Мы постарались аргументировать выбор эпохи, теперь постараемся объяснить, в чем состоит смысл обращения к учебникам более чем столетней давности. Для нас выбор диктуется не столько интересом к истории педагогики, сколько возможностью включить эти книги в изучение социальной истории и истории сознания. В частности, важно хотя бы поставить вопрос о том, как школьный учебник как транслятор идеологии влиял, среди множества прочих факторов, на становление мировоззрения тех, кто потом участвовал в русских революциях 1905 и 1917 гг. или же боролся с ними. Ведь гимназию в конце XIX – начале XX вв. заканчивали и будущие революционеры, и контрреволюционеры. Кроме того — и это особенно важно в контексте эстонской истории — среди гимназистов, изучавших историю России по интересующим нас учебникам, были и деятели культуры периода «Ноор-Ээсти», и будущие создатели первой Эстонской Республики, и т. д. К сожалению, вопрос о роли гимназических учебников для становления личностей их читателей — скорее полуриторический, и ясного ответа на него мы не получим из-за отсутствия достаточных данных о рецепции учебников. Но постановка другого вопроса имеет более отчетливые перспективы: мы имеем в виду роль гимназических учебников имперского периода в становлении советских учебников истории, а, следовательно, и постсоветских, которые до сих пор не отошли от советского дискурса. Таким образом, от царской гимназии ниточка тянется к современной российской.

Напомним, что в послереволюционной советской школе курс истории был фактически ликвидирован (изучалась лишь история революционного движения). Как показал А. М. Дубровский в главе «От проблем исторического образования к новому облику исторической науки» своей книги «Историк и власть» [Дубровский], в конце 1920-х гг. именно учителя-практики подняли вопрос о восстановлении школьного исторического курса. Против этого резко возражал известный историк М. Н. Покровский:

Я боюсь, что если создадим такой курс истории, якобы новый, он будет очень похож на старый курс, и в конце концов будет та же книжная штука, святыцы, но с другими святыми. Прежде были святые цари, министры, благодетели человечества, а теперь великие бунтовщики революционеры, социалисты (цит. по: [Там же: 172]).

Однако закоренелый марксист не учел, что старая модель «государственности», «государствоцентричности», где персонификацией государства является монарх, окажется востребованна сталинской эпохой. В диалектике «имперское» / «национальное» вскоре также перешли к дореволюционной трактовке российского / советского государства как *русского*. Жаркие дискуссии завершились личным вмешательством Сталина и его негласным распоряжением историю в школе изучать и создать советские учебники, взяв за образец старые гимназические пособия [Там же: 180–184; Бранденбергер: 39–86].

Именно Петр стал первым царем, «реабилитированным» советской властью в начале 1930-х гг. в рамках нового имперского канона — «сталинского ампира». Сталин, подыскивая себе исторические прототипы, начал с проецирования себя как раз на Петра, хотя и отрицал это в беседе с немецким писателем Эмилем Людвигом 13 декабря 1931 г. [Сарнов: 17], и только позднее к Петру добавился Иван Грозный. И если Грозный был в послесталинское время из советского канона удален, то Петр навсегда остался культовым монархом⁵. Все это только добавляет аргументы в пользу изучения трактовки петровской эпохи в дореволюционных учебниках.

В царской России авторами основных гимназических учебников были университетские профессора, так что школьная история была непосредственно связана с академической, и по этим пособиям можно проследить, в том числе, этапы трактовки эпохи Петра в историографии.

⁵ Любопытно, что теперь в России возрождается и культ Грозного — как это повлияет на школьный канон, покажет будущее.

Обратимся к гимназическому учебнику «Начертание русской истории», автором которого стал профессор Петербургского университета Н. Г. Устрялов (1805–1870), уже заслуживший к тому времени известность своими публикациями важных исторических документов. На основании этого учебника, впервые изданного в 1839 г. и переизданного десятым изданием в 1857-м [Устрялов]⁶, не следует выносить приговора автору как историку. Как заметил Н. Я. Эйдельман, «пока царствовал Николай I, Устрялов издавал, по сути, не историю Петра, а документальный панегирик прапрадеду своего императора» [Эйдельман: 109], однако затем именно консервативный Устрялов издал розыскное дело царевича Алексея. Но в школьном каноне долго царил его панегирический образ Петра, и с этим пришлось считаться авторам гимназических пособий следующего поколения.

Концепция в устряловском учебнике проста: в отсталой полуазиатской Руси является *вдруг* великий преобразователь: «Он был для России незапным лучезарным светилом, которое все грело, оплодотворяло, живило; он расторг оковы нашего невежества, воззвал нас к лучшей жизни гражданской, указал нам наши силы, наши средства, путь, которым должны мы идти неуклонно» [Устрялов: 191]. Под пером автора Петр лишен каких бы то ни было недостатков: «Для блага России он пожертвовал даже родным сыном своим Алексеем Петровичем, отрешив его от престола» [Там же: 217] (то, каким образом это произошло, никак не уточняется). Вопреки очевидности, у Устрялова «Церковь имела в Петре крепкого хранителя и поборника» [Там же]. Автор утверждает, что основы русского государства при Петре остались неизменными⁷, несмотря на европеизацию (которую историк оценивает как меру неизбежную и благодетельную), а источником всех дел являлась личная инициатива царя. Немецкая слобода не упоминается вообще, о роли иностранцев говорится скупно (хотя заграничная поездка Петра в качестве ученика «всего полезного для России» излагается достаточно подробно), вопрос о цене, которую пришлось заплатить за реформы и военные победы, даже не ставится. При такой одно-

⁶ С издания 1855 г. было осуществлено современное переиздание: Устрялов Н. Г. Русская история до 1855 г.: В 2 ч. / Вступ. ст. и примеч. В. Г. Баданова. Петрозаводск, 1997. Вообще большинство учебников, о которых пойдет речь, были переизданы в 1990–2000-е гг.

⁷ Характерно, как Устрялов умело включает в свое повествование триаду Уварова, составлявшую основу государственной идеологии: «С наступлением XVIII века Россия и изнутри, и извне принимает новый вид: основные начала народности остаются неприкосновенными: та же чистая вера, наследованная от православного востока; то же понятие о власти единой, самодержавной, те же звуки русского языка господствуют в нашем отечестве» [Устрялов: 190].

значной установке на панегирик часто применяемая фигура умолчания оказывается неизбежной.

Начавшееся царствование Александра II ввело в школьную практику новые учебники; первым стала «Учебная книга русской истории» профессора Московского университета С. М. Соловьева, написанная в 1859–1860 гг. [Соловьев]⁸. Хотя сам ученый в своей университетской «Истории России с древнейших времен» еще не дошел тогда до петровской эпохи, однако выраженная в учебнике концепция в главных чертах и далее осталась у него неизменной. Учебник Соловьева значительно больше по объему устряловского, соответственно, и степень подробности в изложении материала — иная. Общая концепция — создание новой России из полуазиатской Руси — как будто та же, что и у Устрялова. Однако при этом подчеркивается связь дела Петра с предшествующими царствованиями. Это вообще главная идея Соловьева, заключавшаяся в том, что реформы Петра явились органической частью русского исторического процесса⁹. Именно поэтому вопрос о методах проведения реформ выходит на первый план. Прямо говорится об их высокой цене, вызвавшей народные восстания:

Время Петра, которое нам теперь издали представляется таким блестящим, было одним из самых тяжелых времен для русского народа: для ведения продолжительной и трудной войны и вместе для новых учреждений требовались большие пожертвования, а средства страны были скудны; тяжки были рекрутские наборы, налоги денежные... [Там же: 412].

Соловьев уже не избегает ни прямого разговора о положительной роли иностранцев [Там же: 399], ни критики в адрес личности царя. Он рассказывает об испуге и бегстве Петра в Троицкий монастырь в 1689 г. во время стрелецкого бунта [Там же: 400]; о личной ошибке в организации Прутского похода [Там же: 418], о жестокости в ведении Северной войны [Там же: 410 и др.], о деле «несчастливого» царевича Алексея [Там же: 437–439]. Правда, автор всегда стремится объяснить причины тех или иных действий Петра, ибо общая трактовка остается панегирической. Соловьев однозначно трактует европеизацию как положительное явление. Знаменательна его прямая полемика с позицией славянофилов по вопросу о бритье бород и о национальной самобытности:

⁸ Всего до революции вышло 14 изданий этого учебника, последнее — в 1915 г.

⁹ Концепция об органическом характере развития русской истории была высказана С. М. Соловьевым еще в его диссертации «История отношений между русскими князьями Рюрикова дома» (1847).

Сбритием бород наносился сильный удар той узкой, мелкой народности, которая состоит в одном внешнем отличии <...>, которая, отдаляя народ от других народов, препятствует его просвещению, препятствует, следовательно, основывать свою народность на внутренних духовных началах, проявлять свою народность в великих произведениях духа [Там же: 407].

Итак, в канун великих реформ Александра II, в том числе, и гимназической реформы 1864 года, учащиеся получили более разносторонний взгляд на ключевую эпоху русской истории.

Следующим и самым распространенным до революции гимназическим учебником стало пособие другого преподавателя Московского университета, историка Д. И. Иловайского¹⁰, созданное практически в одно время с Соловьевским в 1860 г. И сам ход повествования, и концепции учебников во многом близки. Подчеркнуто, что европеизация и многие реформы были начаты предшественниками Петра, но недостаточно энергично и не могли преодолеть отсталости Руси. Роль иностранцев, ученичество у Запада преподносятся в положительном контексте, но по сравнению с Соловьевым Иловайский более акцентирует конфликт Петра с народом: «... царь за свои нововведения и крутые меры должен был выдерживать почти постоянную борьбу с народным неудовольствием» [Иловайский]. Пожалуй, более ярко обрисована и жестокость Петра:

...недовольный розыском Шеина Петр приказал снова допрашивать стрельцов под страшными пытками. <...> Трупы казненных стрельцов оставались небранными целые пять месяцев к ужасу народа. Красная площадь была покрыта обезглавленными, а стены Белого и Земляного города унизаны повешенными. На Девичьем поле некоторые стрельцы висели против самых окон царевны Софьи с челобитными грамотами в руках [Там же].

Однако Иловайский стремился уравновесить негативные и позитивные подробности. Так, он приводит отсутствовавшие у Соловьева легендарные слова Петра перед Полтавским сражением: «А о Петре <...> ведайте, что ему жизнь не дорога, жила бы только Россия во славе и благоденствии» [Там же].

Давая общую характеристику петровским реформам, Иловайский критичен и не склонен оправдывать наступления царя на национальную самобытность:

¹⁰ Характерно, что вскоре Иловайский полностью переключился на создание школьных пособий, покинул университетскую кафедру и зарабатывал изданием учебников большие деньги.

Преобразования Петра были направлены на усвоение европейских обычаев и учреждений. Иноземные обычаи и учреждения, переносимые на русскую почву, не всегда, впрочем, сообразовались с естественными условиями государства и с характером народа. Многие благие по своей цели указы, не опираясь на известный уровень образованности или на привычки народа, скоро теряли свою силу и подвергались злоупотреблениям. Наконец, излишнее поклонение всему иностранному и пренебрежение народным чувством принесли немалый вред русскому национальному самосознанию [Иловайский].

И все же итог и в этом учебнике оказывается положительным: «... беспримерная в истории деятельность Петра сообщила Русскому государству новую жизнь и новые силы, и едва ли какой-либо государь нового мира имеет большие права на наименование Великого» [Там же]. Именно учебник Иловайского (особенно его краткий вариант)¹¹ считался до революции наиболее «лояльным». Характерно, что первый учебник русской истории на эстонском языке был переводом-переделкой именно с Иловайского [Põwajiskij]. Но самое знаменательное, что именно гимназический Иловайский был любимым учебником товарища Сталина, который признавался: «Мне нравится больше всего как писал Дмитрий Иванович Иловайский» (цит. по: [Дубровский: 304]), что не помешало вождю оставить на принадлежавшем ему экземпляре учебника выразительную запись: «Дурак Иловайский!» [Илизаров: 81]¹².

Гимназический учебник ученика Соловьева, профессора Московского университета В. О. Ключевского был издан в 1899 г. (в 1917 г. появилось восьмое издание), хотя его конспекты по отдельным темам выходили в свет еще в 1870-е гг. Учебник краток, почти конспективен, лишен ярких подробностей и прямых оценок. Повествование в нем строится не биографически-тематически, а проблемно и призвано вызвать ученика к соразмышлению. Уже начало параграфа «Реформы Петра Великого» звучит неожиданно: «При первом взгляде на преобразовательную деятельность Петра она представляется лишенной всякого плана и последовательности. <...> Видны цели реформы, но не всегда уловим ее план» [Ключевский: 131]. И далее автор предлагает рассмотреть реформы в связи с «гнетом обстоя-

¹¹ Учебники Иловайского существовали в дореволюционной школе во многих вариантах, см., в частности, «Руководство к русской истории. Средний курс, (изложенный по преимуществу в биографических чертах)». Этот учебник был предназначен для третьего класса гимназии. В 1916 г. вышло 44-е изд. По сути, это была вариация «Кратких очерков», отличавшаяся от своего прототипа в деталях, но не общей концепцией.

¹² К какому времени принадлежит эта запись, сделанная на последней странице пятого издания «Руководства к русской истории...» (1874), не ясно.

тельств», разворачивая перед учениками петровские преобразования не в хронологической, а в реконструируемой логической последовательности. Совершенно очевидно, что Ключевский подразумевает достаточно высокий уровень предварительной подготовки учащихся — такой сжатый учебник не может быть основным, но может служить прекрасным дополнительным пособием, например, для подготовки к экзамену. Автор не останавливается на личности преобразователя, зато побуждает разносторонне анализировать его дело. Общая концепция остается и у Ключевского неизменной: петровские реформы были неизбежны и в целом конструктивны.

Учебник профессора Петербургского университета академика С. Ф. Платонова создавался в конце 1900-х гг. и сразу приобрел большую популярность¹³, несмотря на свой солидный объем. Никакой «смены вех» в нем не происходит: еще с большими подробностями автор разворачивает концепцию Соловьева-Ключевского, даже усиливая линию преемственности в политике европеизации и учения у иностранцев:

Близость этих «немцев» к Петру не должна нам казаться удивительной и необычной. Московский двор в то время широко пользовался услугами западно-европейцев. Маленького Петра лечили доктора-немцы; в вычурных садах царя Алексея он видел немцев-садовников; всякия технические поделки во дворцах исполнялись мастерами-немцами <...>. Немецкая слобода <...> была расположена очень близко от села Преображенского; было очень просто и легко посылать туда за всяким делом... [Платонов: 269–270].

Ср. также: «В своем стремлении овладеть берегами Балтийского моря Петр явился продолжателем политики всех предшествовавших ему московских царей». Платонов отрицает «революционность» реформ: «Петр не совершил никакого государственного переворота» [Там же: 293]. Автор прямо говорит о гениальности Петра, но не избегает и разговора о его нетерпении, жестокости, о спонтанности реформ, даже о хаосе, возникавшем при таком в управлении. Неоднократно упоминается и о попойках, разгуле царя:

Петр охотно устраивал разного рода публичные церемонии и праздники, показывая народу образчики общественных торжеств на европейский лад. В особенности любил он уличные маскарады, состоявшие из мифологических и этнографических шествий и картин <...> по грубости нравов той эпохи подобныя торжества иногда переходили в мало назидательный разгул [Там же: 308].

¹³ Он вышел десятым изданием уже после революции, в 1918 г., был переиздан в Праге — в 1924 г.

Более подробно говорится о процессе закрепощения крестьян, даны более детальные сведения о тяготах преобразований, о вызванных ими восстаниях, о неудачах, о прозвании Петра антихристом. Однако эти негативные факты соседствуют с доказательствами благотельности для России европеизации и выхода к Балтийскому морю. Военные победы однозначно трактуются всеми авторами как достижения. «Победный» дискурс вообще оказывается в гимназических учебниках основным при изложении военных конфликтов¹⁴.

Хотелось бы подчеркнуть, что центральным оставался именно вопрос об отношении к европеизации. С точки зрения официальной идеологии, он долгое время не подвергался сомнению. Славянофилы со своей апологией бороды и допетровской «русскости» не вызывали симпатии Николая I, да и Александра II (его бакенбарды были данью европейской моде, а не «русским» обычаям)¹⁵. Общественное мнение, однако, уже не было столь единодушно: формировался русский национализм, что могло привести (и отчасти привело) к разочарованию в европейском пути для России. Но историки-авторы учебников истории твердо ориентировали своих читателей на восприятие европеизации как блага. Подчеркивая наступление петровского государства на частную жизнь граждан (что вызывало осуждение еще у Карамзина в записке «О древней и новой России»), жестокость его методов, конфликт с народом, авторы ставили своих читателей-учеников перед этими проблемами, но давали понять, что достигнутые результаты оправдывали жертвы. Академическим историкам, являвшимся одновременно и авторами гимназических учебников, трудно отказать в ясно выраженной позиции, которую нельзя свести к механической трансляции официальной идеологии.

Начиная с 1870-х гг. выросло число гимназических учебников, создававшихся учителями-практиками¹⁶. Хотя историк Н. И. Кареев и отзывался скептически о появившихся тогда учебниках С. Е. Рождественского (см. ниже) и И. И. Беллярминова [Беллярминов], но все же признал, что после Иловайского, «столько десятилетий безраздельно царившего в средней

¹⁴ Интересно отметить, что Платонов первым из авторов учебников упоминает о том, что Россия, кроме военной победы, заплатила Швеции два млн. ефимков за владение Балтийскими провинциями.

¹⁵ Начиная с Александра III ситуация и в правительственных кругах начала осложняться (не будем сейчас углубляться в детали, чтобы не отклоняться от темы).

¹⁶ Об истории гимназического образования см. классическую работу [Алешинцев], более подробно о ситуации в гимназическом историческом образовании после реформы 1864 г. и в последующий период см. исследования [Понакroва; Шапарина].

школе» [Кареев: 2], наличие множества разных пособий и, следовательно, расширение возможности выбора оказало положительное влияние на преподавание истории. Правда, Кареев был озабочен не столько концептуальными различиями, сколько стилем изложения, дозировкой материала и методами преподавания.

Из всего разнообразия учебников, которые мы не имеем возможности охватить во всей полноте¹⁷, выберем один из самых стабильных и популярных, выдержавший после первого в 1869 г. около 20 изданий. Это курс Сергея Егоровича Рождественского (1832–1891)¹⁸, преподавателя ряда петербургских военно-учебных заведений и гимназии, директора народных училищ Санкт-Петербургской губернии [Рождественский]¹⁹. Книга богата по материалу и ставит историю петровской Руси / России в контекст истории соседей — Турции, Польши, Швеции. Общая направленность по сравнению с предшествующими авторами учебников не меняется: европеизация и петровские реформы в целом подаются как необходимые и неизбежные²⁰. Большая «благонамеренность» таится в деталях: автор не подчер-

¹⁷ Из-за недостатка места оставим в стороне учебник директора Нарвской, а затем ряда петербургских гимназий, преподававшего историю и географию детям Николая II, Константина Алексеевича Иванова (1858–1919) [Иванов]. После первого издания в 1906 г. учебник выдержал до революции пять переизданий. Многие из пособий представляют любопытное культурное явление — например, учебник этнографа и историка, фактически — самоучки, Александры Яковлевны Ефименко (1848–1918), первой женщины, получившей степень доктора *honoris causa* по истории (от Харьковского университета) и в 1911 г. ставшей профессором Высших женских курсов в Петербурге. Ее памяти посвятил прочувственный некролог С. Ф. Платонов. Учебник [Ефименко] выдержал в 1911–1918 г. семь изданий и был переиздан в 2012 г.

Вообще дать даже выборочный обзор гимназических пособий не представляется возможным, с одной стороны, из-за отсутствия соответствующей библиографии и, с другой, из-за воистину огромного их количества. Приходится учитывать и то обстоятельство, что почти идентичные пособия одного автора переиздавались под разными заглавиями для разных классов (что происходило из-за перемен в программах). Например, А. Я. Ефименко сначала написала «Учебник русской истории: для старших классов средне-учебных заведений» (СПб., 1909) и потом создала его более популярный вариант для более разнообразной аудитории [Там же]. Варианты учебных пособий Иловайского, Рождественского, Белярминова и др. могли бы стать предметом специального исследования.

¹⁸ Происходил из священнической семьи и учился в Главном педагогическом институте одновременно с Н. А. Добролюбовым.

¹⁹ В 1997 г. учебник был переиздан тиражом 40 тыс. экз. в серии «Учебники дореволюционной России по истории». У Рождественского имелась и книга для народного чтения «О Петре Великом», изданная Постоянной комиссией для народных чтений (СПб., 1872), к 200-летию со дня рождения Петра. Комиссия была учреждена по высочайшему повелению министром народного просвещения.

²⁰ Ср.: «Познакомившись с жизнью западных европейцев, убедившись лично, как далеко отстал от них умный и смысленный русский народ на пути образования и промышленности,

квивает противоречий личности Петра, избегает компрометирующих его эпизодов (например, панического бегства в Троицкую лавру в 1689 г., «мало назидательного» разгула и пр.). Однако Рождественский не избегает разговора о жестоких методах, в частности, примененных в расследовании стрелецкого бунта, и о последовавших казнях: «Более тысячи человек было повешено, обезглавлено, колесовано. Около двухсот стрельцов было повешено под Новодевичьем монастырем, перед кельями Софьи <...>» [Рождественский: 270], даже упоминает о безуспешном заступничестве патриарха за казнимых. Однако автор неизменно подчеркивает вынужденный характер этой жестокости²¹. Так, он цитирует Нартова, который раскрывает другое — милостивое — лицо Петра: «Сколько снисходил он <Петр. — Л. К.> слабостям человеческим, прощал преступлений, не заслуживающих милосердия» [Там же]. Кратко останавливаясь на деле царевича Алексея, Рождественский переходит на почти устряловские интонации и способ изложения: «... великий преобразователь, не останавливавшийся ни перед какими препятствиями для возвышения России, не пощадил ни жены, ни сына: Евдокия была заключена в монастырь; сына <...> предал суду и заключил в крепость, где царевич скоро и кончил жизнь» [Там же: 289].

Рождественский старается акцентировать внимание на тех «человеческих» свойствах Петра, которые могли возбудить к нему симпатии старших подростков, например: «На 16 году Петр с трудом выводил буквы и писал с самыми грубыми ошибками, как это видно из его учебных тетрадок, дошедших до нас» [Там же: 264]. Однако далее автор с явным удовольствием рассказывает о том, как «потешные» игры юного царя положили основу будущим армии и флоту. Удачным с этой точки зрения представляется сопоставление с Карлом XII, который, якобы:

... ничем серьезным не занимался, не хотел ничему учиться, все время проводил на охоте, да в разных школьнических проделках и безрассудном удалстве. Так, напр., во дворце устраивал охоту за зайцами; гуляя вечером по городу, бил стекла в домах обывателей, отрубал головы баранам и телятам; однажды с другом своим <...> переломал в придворной церкви лавки и заставил всех молиться стоя [Там же: 271].

Петр энергично взялся за преобразование России на манер европейский. <...> Петр воспретил носить бороду и длинные одежды, которые, между прочим, мешали сближению наших предков с иноземцами» [Рождественский: 281].

²¹ Рождественский трактует жестокость не как черту личности Петра, а как черту эпохи, причем проявляющуюся в борьбе против врагов власти, приводя примеры жестокости со стороны современников царя — Софьи [Рождественский: 261] и Карла XII: «Шведский король велел колесовать Паткуля, как изменника» [Там же: 272].

Не будем сейчас обсуждать, насколько справедлива такая характеристика²², но автор не стремится сделать из Карла карикатурную фигуру, он тут же оговаривает: «Но в душе юного короля таились громадные силы и нападение врагов вызвало их к деятельности» [Рождественский: 271].

Рождественский говорит и о народных тяготах, но оправдывает их: «Вследствие тяжких налогов и податей, *необходимых для ведения трудной и продолжительной войны*, народ при Петре страшно страдал и беднел. Многие, не видя конца страданиям, убежали» [Там же: 274] (выделено нами; см. также: [Там же: 272–273]); «Крестьяне при Петре сделались полными рабами помещиков, на землях которых они жили» [Там же: 284]; число раскольников увеличилось. Автор не скрывает, что народ не понимал причин и сути преобразований; имеется намек и на культурный раскол нации при Петре [Там же: 285].

Таким образом, автор широко распространенного «учительского» учебника С. Е. Рождественский в целом следует руслу, проложенному академическими авторами, и его позиция — не исключение среди многочисленных пособий, созданных школьными педагогами. Для контраста обратимся теперь к альтернативным пособиям, которые были созданы оппозиционерами и предназначались для специальной аудитории.

Леонид Эммануилович Шишко (1852–1910), революционер-народник из кружка «чайковцев», четыре года проведенный в одиночном заключении²³, написал и издал в Лондоне в 1900 г. книгу для взрослых «Рассказы из русской истории» — общедоступные рассказы для чтения в рабочих кружках и для самообразования. Она была переправлена в Россию, после 1905 г. переиздавалась на родине под разными заглавиями [Шишко 1906; Шишко 1917] и была популярна; ее издания выходили и после революции 1917 года. Эпиграф «В борьбе обретишь ты право свое!» определяет авторскую установку: повествование призвано освободить потенциального народного читателя от царистских иллюзий, показать, как несправедлив самодержавный строй, который специально держит народ в рабстве, бедности и невежестве, а также призвать к борьбе за свободу. И о Петре сказано просто и ясно:

²² Такая характеристика отчасти справедлива, но односторонняя. Известно, что, несмотря на пристрастие к охоте, грубые забавы [Григорьев: 50–52], Карл был человеком разносторонне образованным [Там же: 20–26], религиозным, с повышенным чувством долга.

²³ В 1889 г. Шишко бежал с поселения за границу, основал «Фонд вольной русской прессы», одним из изданий которого и были его собственные книги, направленные на просвещение рабочей аудитории.

Петр был от природы человек большого ума. Когда он понял, чего не доставало русскому государству, он не щадил ни себя, ни других, чтобы все перестроить по-новому. Но Петр прежде всего был царь, поэтому думал лишь о своей, **царской** пользе. Ему надо было сделать сильным свое государство и иметь много денег в казне, а до народа ему было мало дела [Шишко 1906: 56], —

и далее эта нехитрая мысль варьировалась на разные лады.

В 1909 г. была опубликована общедоступная хрестоматия с картинками «Рассказы по русской истории», одним из редакторов которой был С. П. Мельгунов, преподаватель истории в частных гимназиях Москвы и известный политический деятель²⁴. Пособие, по мысли авторов, предназначалось для взрослых слушателей воскресных школ, но также и для «младших классов средних учебных заведений», для городских школ и домашнего чтения. Таким образом, составители рассматривали свою книгу и как альтернативное школьное пособие. В «Рассказах» [Мельгунов и др.] выбран совершенно иной, по сравнению с тогдашними гимназическими учебниками, аспект — жизнь не государства, а его обитателей. В результате в главе «Петровское время» мы встречаем живой, расцвеченный яркими цитатами *рассказ* об изменениях в образе жизни разных слоев русского населения, но он почти сразу превращается в повествование о народных тяготах. Крутой нрав, торопливость, нетерпение, жестокость Петра — обо всем этом упоминали и официальные учебники, но здесь это становится главной темой. Делается акцент на страшных пытках, которым подвергали заключенных [Там же: 298–299]; прямо сказано, что царевич Алексей умер под пытками [Там же: 320]. Ужасы строительства Петербурга [Там же: 300–303], тяжкие поборы и налоги, бесконечные жертвы и ненависть народа к царю — антихристу и мироеду [Там же: 323–325], неуважение царя к православной вере, безобразия всепьянейшего собора²⁵, гонения на старообрядцев — другими словами, все, что может вызвать негативную реакцию в адрес Петра, — дано со всевозможными подробностями.

В подробной характеристике личности Петра говорится и о его любознательности, уме, редком трудолюбии, демократизме [Там же: 309–310], но всем ходом повествования его действия подвергнуты недвусмысленно-

²⁴ С. П. Мельгунов был членом партии кадетов, а затем состоял в народно-социалистической партии, в будущем активно боролся с большевизмом. Был выслан из Советской России в 1922 г. и написал в эмиграции известную книгу «Красный террор».

²⁵ «Бывало, на первой неделе поста, когда богобоязненные москвичи посвящали все свое время постам и молитвам, «всепьянейший собор» Петра в назидание верующим устраивал шуточную покаянную процессию <...>. Такое подражание церковному богослужению в глазах народа было богохульством и поруганием веры» [Мельгунов и др.: 320].

му осуждению. При этом сама реформа оценивается как безусловно необходимая, и ярко описаны преимущества европейской жизни перед русским варварством. Однако и здесь не обошлось без замечания: «Петр слепо поклонялся Европе, стремился уничтожить все национальное, русское переделать по западному образцу. Это сказывалось даже в мелочах — в ненависти к тем платьям и к тем длинным бородам, которые привыкли носить русские» [Мельгунов и др.: 320]. Полностью отсутствует и победный военный дискурс: нет ни взятия Азова, ни Полтавы, ни морских побед, что в других учебниках являлось противовесом негативной информации, объяснением и оправданием народных тягот.

Таким образом, в альтернативных пособиях мы имеем дело с отчетливой оппозицией официально принятой точке зрения. Сдвиг особенно заметен при сопоставлении этих книг с учебником Платонова, также создававшимся после революции 1905 г.: факты те же, акценты совершенно иные и отчетливо «агитационные», антимонархические. Тем интереснее и характернее, что когда в 1930-е гг. под руководством Сталина в советской школе был восстановлен курс истории, то ориентировались вовсе не на эти альтернативные книжки. Уже говорилось выше со ссылкой на исследование А. М. Дубровского, что по личному указанию вождя за основу новых учебников были взяты старые гимназические пособия. В результате в первом учебнике для средней школы 1940 г. под редакцией А. М. Панкратовой, где периодизация Новой истории дается по царствованиям (см. оглавление [Панкратова: 271–272]) и приводится родословная таблица династии Романовых [Там же: 270], многие страницы, касающиеся петровской эпохи, трудно отличить от соответствующих мест у Иловайского: то же биографическо-тематическое повествование, с большим количеством разнообразных подробностей и победным военным дискурсом. При описании победы под Полтавой воспроизведены легендарные слова Петра: «Воины! Вот пришел час, который решит судьбу отечества. Итак не должны вы помышлять, что сражаетесь за Петра, но за государство, Петру врученное, за род свой, за отечество»²⁶ и т. д. [Там же: 19]. Победа в Северной войне характеризуется как огромное достижение с опорой на цитаты из Маркса [Там же: 22–23], даже статус империи вызывает удовлетворение: «Это новое название свидетельствовало о росте могущества и силы русского го-

²⁶ Эти же слова выкрикивает, мчась на коне, под гром выстрелов Николай Симонов, исполнявший роль Петра в фильме В. Петрова «Петр I» (1937–1938). Понятно, что эти апокрифические слова как нельзя лучше соответствовали сталинскому пафосу государства, руководимого сильным вождем.

сударства» [Там же: 23]. Реформы Петра также вызывают одобрение в советском учебнике, и в этом авторы опираются на цитаты из Сталина [Там же: 23–24]. Вообще, если не считать такого рода ссылок и фраз типа: «В результате произведенной реформы Петр создал крепкий государственный аппарат для обслуживания нужд господствующих классов» [Там же: 30], никакой особой «советскости» не наблюдается. Более того, к врагам петровского дела авторы относятся даже более сурово, чем их дореволюционные коллеги. Конечно, этими противниками оказываются теперь «остатки прежней знати и части духовенства», «крупные землевладельцы из родовитых фамилий», презиравшие «худородных» выдвиженцев Петра, именно они распространяли слухи, что он «антихрист» [Панкратова: 31]. Алексей прямо объявлен «изменником родины», по словам авторов, он «мечтал поднять бунт» против отца [Там же: 32]. О его конце сказано примерно так, как у Рождественского: «Царевич умер в тюрьме вскоре после приговора» [Там же]. Петровский миф как нельзя лучше пришелся ко двору в сталинской школе. Опасения М. Н. Покровского оправдались: новый курс был очень похож на старый, а в случае Петра даже больших оговорок делать не потребовалось. Личность Петра удостоилась высокой характеристики, хотя была подчеркнута и его грубость и жестокость [Там же: 35–36].

Таким образом, авторы дореволюционных гимназических учебников, а вслед за ними и авторы первого советского учебника для средней школы, различаясь в акцентах и деталях, говорили о Петре как о великом монархе, стремились показать его дело как исторически прогрессивное и полезное. Он не был представлен «земным божеством» (по слову Ломоносова): авторы не скрывали ни отрицательных личных качеств преобразователя, ни неудач, ни слишком высокой цены его реформ, но государственный миф о Петре — создателе новой России в учебниках закрепился.

Однако обратим внимание на то, что рассмотренные нами гимназические учебники предлагали ученикам далеко не однородный материал о Петре и его царствовании, и далее восприятие конкретного ученика зависело уже от установок школы, учителя, а также культурной среды, в которой он воспитывался. Совершенно очевидно, что результат в каждом отдельном случае мог быть неоднозначным. Подчеркнем также, что дореволюционная школа в целом двигалась по пути развития у учеников критического мышления на материале исторического курса, отказа от идеологизации, которой потом неуклонно требовала советская школа. Последняя гимназическая программа, составленная в 1915 г. и, по условиям военного и революционного времени, так и оставшаяся на бумаге, ясно демонстрирует новые

установки. В ней предметы делились на «образовательные» и «воспитательные», причем история была причислена к образовательным, наряду с Законом Божиим, русским языком, математикой, географией и естествоведением. К «воспитательным» были причислены предметы практические — рисование с черчением, пение (и музыка), физические упражнения (гимнастика, танцы, ручной труд) [Программа: 4]. Принятое деление не исключало, однако, постановки перед курсом истории морально-воспитательных задач, в том числе, патриотических. Это, впрочем, относилось только к младшей ступени, и следует обратить внимание на то, сколь осторожно и мудро формулируются эти задачи:

Преподавание истории на младшей ступени имеет своей воспитательной целью вызвать в детях живой интерес к прошлой жизни родного народа, развить этот интерес до возможной сознательности и тем самым упрочить детскую любовь к родине. <...> Необходимо, однако, помнить, что высокая воспитательная цель исторического преподавания не должна и не может достигаться иначе, как путем правдивого ознакомления детей с событиями и образами прошлого <...>. Отрешенные от исторической действительности назидательные речи преподавателя с нравоучениями на патриотические моральные темы, внося в учебное дело нежелательную и вредную фальшь, извратили бы доброе воспитательное средство и повели бы к прямому педагогическому злу [Там же: 83].

На старшей ступени обучения ставилась задача «вызвать в учащихся историческое отношение к жизни, развить в них историческое понимание» [Там же: 86]. Авторы программы отмечали, что «не только лучшие, но даже и средние ученики и ученицы выпускного класса знакомятся с трудами известных ученых, как Соловьев, Ключевский²⁷ и др.» [Там же: 87], и делали выводы, что нужно подробнее знакомить гимназистов с достижениями исторической науки, а также, например, с борьбой «западников и славянофилов по отношению к древней русской истории и к реформе Петра Великого» [Там же]. Другими словами, русская школа двигалась в направлении проблематизации курса истории, столкновения различных точек зрения. Ученикам предлагалось читать сборники документов, делать самостоятельные доклады на обобщающие темы — «рост территории, развитие верховной власти, крестьянский вопрос и т. п.» [Там же]. Понятно, что эти темы выделены не случайно — это актуальнейшие вопросы российской жизни и политики конца империи, которые могли бы вызвать самые разные по характеру рассуждения, что и входило в задачу тех, кто эти

²⁷ Подразумевались, конечно, не гимназические учебники этих авторов, а их академические труды.

темы предлагал. Учеников хотели научить думать и самостоятельно анализировать окружающую действительность.

Подробное изучение программы 1915 года, как и постановлений Всероссийского съезда учителей 1916 г. (где в частности, была поставлена задача введения в России обязательного обучения грамоте, а затем и введения обязательного среднего образования), показывает, что российское образование ожидали коренные изменения. Можно только сожалеть о том, что это развитие было прервано революцией и установлением советской власти, закрепостившей школу и надолго отбросившей назад развитие школьной истории, как и исторической науки в целом. Можно также сказать, что задачи, поставленные перед школьным курсом истории в программе 1915 г., не устарели и по сей день.

Литература

Алешинцев: *Алешинцев И.* История гимназического образования в России (XVIII и XIX век). СПб., 1912.

Беллярминов: *Элементарный курс всеобщей и русской истории / Сост. И. Беллярминов.* СПб., 1914. Изд. 42-е.

Бранденбергер: *Бранденбергер Д.* Сталинский руссоцентризм: Советская массовая культура и формирование русского национального самосознания (1931-1956 гг.). М., 2017. Изд. 2-е, перереб. и доп.

Григорьев: *Григорьев Б.* Карл XII, или пять пуль для короля. М., 2006.

Дубровский: *Дубровский А.* Историк и власть: историческая наука в СССР и концепция истории феодальной России в контексте политики и идеологии (1930–1950-е гг.). Брянск, 2005.

Ефименко: *Ефименко А.* Элементарный учебник русской истории: Курс эпизодический для средне-учебных заведений и высших начальных училищ. Пг., 1914. Изд. 4-е.

Иванов: *Учебник русской истории (систематический курс для старших классов средних учебных заведений и для самообразования) / Сост. К. Иванов.* СПб., 1906.

Илизаров: *Илизаров Б.* Иосиф Сталин в личинах и масках человека, вождя, ученого. М., 2015.

Иловайский: *Иловайский Д.* Краткие очерки русской истории. Приспособленные к курсу средних учебных заведений. М., 1860 / http://az.lib.ru/i/ilowajskij_d_i/text_1860_kratkie_ocherki_russkoj_istorii.shtml (Дата обращения: 16.12.2017).

Кайданов: *Кайданов И.* Начертание истории государства Российского. СПб., 1829.

Кареев: *Кареев Н.* О школьном преподавании истории. Пг., 1917.

Ключевский: *Ключевский В.* Краткое пособие по русской истории. М., 1906. Изд. 5-е.

Мельгунов и др.: Рассказы по русской истории: Общедоступная хрестоматия с рисунками / Сост. кружком преподавательниц под ред. С. Мельгунова и В. Петрушевского. М., 1909.

Осват, Рогинский: *Осват А., Рогинский А.* Историческая проза и государственный миф // Старые годы: Русские исторические повести и рассказы первой половины XIX века. М., 1989.

Панкратова: *Базилевич К., Бахрушин С., Панкратова А., Фохт А.* История СССР: Учебник для IX класса средней школы / Под ред. проф. А. Панкратовой. Утв. Наркомпросом РСФСР. М., 1940.

Петр: Петр Великий: pro et contra: Личность и деяния Петра I в оценке русских мыслителей и исследователей: Антология. СПб., 2001.

Платонов: *Платонов С.* Учебник русской истории для средней школы. Курс систематический: В 2 ч. СПб., 1910. Изд. 2-е.

Погодин 1835: *Погодин М.* Начертание русской истории для училищ. М., 1835.

Погодин 1837: *Погодин М.* Начертание русской истории: Для гимназий. М., 1837. Изд. 2-е, испр. и умнож.

Погосян: *Погосян Е.* Петр I — архитектор российской истории. СПб., 2001.

Поникарова: *Поникарова Н.* Министерство народного просвещения и школьное образование по русской истории (1864–1917) / Автореф. дис. на соиск. уч. ст. канд. ист. наук. М., 2005.

Программа: Примерные программы и объяснительные записки, изданные по распоряжению Г. Министра Народного Просвещения. Пг., 1915 (приложение к ЖМНП. Ноябрь и декабрь).

Рождественский: Отечественная история в связи со всеобщую (среднею и новою): Курс средних учебных заведений / Сост. С. Рождественский. СПб., 1878. Изд. 5-е.

Сарнов: *Сарнов Б.* Сталин и писатели. Книга вторая. М., 2008.

Соловьев: *Соловьев С.* Учебная книга русской истории // Соловьев С. Сочинения: В 18 кн. М., 1999. Кн. 18.

Устрялов: *Устрялов Н.* Начертание русской истории для средних учебных заведений. СПб., 1857. Изд. 10-е.

Шапарина: *Шапарина О.* Историческое образование в русских гимназиях в начале XX века. 1901 – февраль 1917 гг. (На материалах Московского Учебного округа) / Автореф. дис. на соиск. уч. ст. канд. ист. наук. М., 2004.

Шишко 1906: *Шишко Л.* Популярная история России: В 3 ч. СПб., 1906. Ч. II.

Шишко 1917: *Шишко Л.* Рассказы из истории России: В 3 ч. Одесса, 1917. Изд. 2-е.

Эйдельман: *Эйдельман Н.* Розыскное дело // Наука и жизнь. 1971. № 9.

Poolajiskij: *Wene riigi ajalugu. Wene riigi alustusest kuni Aleksander III: Koolile ja kodule Poolajiskij järele / Wene keelest P. Koit, kihelkonna kooliõpetaja Wäike-Maarjast. Rakweres, 1890.*